

Владимир КОЧЕТКОВ, Людмила КОЧЕТКОВА

СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО И МИРОВОЙ КРИЗИС: ПАРАДИГМА ПРЕОДОЛЕНИЯ

Почему в условиях мирового кризиса лидеры ведущих развитых стран, в том числе Президент США Б. Обама, постоянно ссылаются на политику «государства всеобщего благосостояния», а президент Д. Медведев начал делать акцент на 7-ю статью Российской Конституции, согласно которой наша страна является социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека?»¹ Скорее всего, мы наблюдаем обращение к концепции социального государства как теоретической основе для осмысления «нового мирового порядка». В 80-90-е гг. прошлого века казалось, что процессы глобализации приведут если не весь мир, то большинство стран к стабильному росту и процветанию и никакие масштабные кризисы не смогут подорвать всеобщий оптимизм и веру в ценности «свободной торговли» и «свободного рынка». Но история разрушила эти надежды...

Сейчас, на наш взгляд, происходит фундаментальный сдвиг в оценке перспектив, путей и целей глобализации, осознание того, что экономика и, прежде всего, финансы обогнали в своем развитии старые социальные институты, устоявшиеся структуры жизненного мира², что положило начало деградации фундаментальных предпосылок западной цивилизации. И поскольку уже один раз социальное государство в качестве «социального компромисса» (Ю. Хабермас) спасло капитализм и создало возможность продолжительного экономического роста, поэтому переосмысление этого института с учётом неоконсервативной критики, начиная со времен Р. Рейгана и М. Тэтчер, даёт надежду не только на смягчение последствий кризиса для граждан (на что больше всего обращают внимание политики), но и на нахождение новой траектории движения всей западной цивилизации, за что ратуют ведущие учёные.

Так почему же считается, что глобализация и социальное государство несовместимы? Противоречат ли принципы свободной торговли своеобразному протекционизму социального государства? И наконец, почему современный глобальный кризис заставляет мировых лидеров вновь вспомнить о социальном государстве?

Развитие крупной промышленности, которой имманентны рационализация, специализация, чёткое разделение труда, разорвало тотальность раннего буржуазного жизненного мира: гражданин отделился от собственности-земли; индивид отделился от способности трудиться и стал жить не за счёт результатов труда, а за счёт продажи своей способности трудиться; изменилась семья (из патриархальной она стала нуклеарной); распалась общинная жизнь, прежде всего из-за мобильности населения в поисках работы, но также и вследствие социального расслоения; и как результат этих процессов, появились и расцвели пышным цветом разнообразные формы девиантного поведения.

Эти глубинные процессы приводили к эрозии основ либеральной демократии. В результате «великой трансформации» (К. Поланьи)

КОЧЕТКОВ

*Владимир
ВВалерьевич –
к.филос.н., ведущий
научный сотрудник
Института
прав человека и
ювенальной юстиции
РГСУ*

КОЧЕТКОВА

*Людмила Николаевна
– к.филос.н., доцент
кафедры философии,
социологии и
политологии МИРЭА*

¹ Конституция Российской Федерации. – М.: АСТ АСТРЕЛЬ, 2004, стр. 6.

² Данное понятие трактуется в духе поздней феноменологии Э. Гуссерля, фиксирующей значимый для человека мир первоначальных допредикативных истин, очевидностей, конституируемых в деятельности трансцендентальной субъективности.

начала исчезать социальная основа этого типа общества, что, если учитывать ценностное значение идей прав человека и демократии, вызвало драматические социальные и политические конфликты, которые сотрясали все развитые страны на протяжении XIX в. Общественная солидарность, которая покоилась на свободе, равенстве и братстве (общинном соседстве) граждан, была утрачена.

На эти вызовы были выработаны три ответа. Первый — это национализм. Национальное государство как феномен, впервые появившийся именно в эту эпоху, решало задачу выработки новой общественной солидарности путём конструирования идеи «нации» как исторически сложившейся общности граждан, объединённых государственным языком, общей территорией, определёнными политическими институтами, в которых воплощается единый народный дух.

Два других ответа — социализм и социальное государство — имели, на наш взгляд, общие предпосылки, но разные следствия. Социализм был нацелен на революционное изменение сферы наёмного труда, т.е. на освобождение труда от его оценки другими людьми, полагая возможным при современном ему уровне концентрации абстрактного труда на крупных предприятиях обеспечить рациональное управление в виде самоуправления рабочих. Общественная солидарность здесь заменялась фабричным коллективом и принадлежностью к рабочим массам.

Третьим ответом стало социальное государство, которое предложило совершенно иной проект¹, оказавшийся очень жизнеспособным. Суть этого проекта состояла в том, что трудовые отношения «остаются отправным пунктом не только для мероприятий по гуманизации труда, которые и впредь будут оценивать другие люди, но, прежде всего, для компенсаторных действий в ответ на основные риски труда наёмного (несчастные случаи, болезни, потеря рабочего места, необеспеченная старость)».

Таким образом, «обеспечивая социально слабым гражданам прожиточный минимум, который необходим для сохра-

нения их человеческого достоинства, социальное государство перенимает тем самым ответственность за обеспечение предпосылок, необходимых для функционирования закреплённых в конституции гражданских свобод»². Необходимо, на наш взгляд, ещё раз подчеркнуть, что концепция социального государства достигает социального компромисса посредством вмешательства демократически легитимированной власти ради сохранения и роста капиталистического накопления. С другой стороны, она предполагает, что только нормализация статуса наёмного работника с помощью гарантированных социальных прав позволяет массам населения наслаждаться свободой, социальной справедливостью и растущим благосостоянием. Сторонники этой концепции полагают, что с помощью государственного вмешательства можно восстановить первоначальную тотальность раннебуржуазного общества, сконструировать общественную солидарность на основе гарантирования социальных прав.

Именно теория и практика социального государства наиболее адекватно ответила на вызовы существования индустриального общества XIX в. и обеспечила беспрецедентное процветание западных стран в середине прошлого века. Однако в самой конструкции социального государства имплицитно содержался ряд проблем, которые вышли на первый план при начале нового этапа общественного развития — так называемой «постиндустриальной революции» и её финальной стадии — «глобализации».

Первая ситуация связана с тем, что социальное государство ограничено национальными рамками, суверенитетом над определённой территорией. Оно самостоятельно не может регулировать мировой рынок и действующие на нём глобальные финансовые структуры и транснациональные корпорации. Именно этот «недостаток» социального государства стал остро очевиден в процессе глобализации³. Кроме того, основной способ регулирования в социальном государстве — перераспределение доходов в пользу

¹ Теорию социального государства разрабатывали и монархист Л. Штейн, и либерал Б. Дизраэли, и социал-демократ Ф. Лассаль. Реализовали её такие непохожие государственные деятели, как О. Бисмарк или английские лейбористы.

² Политическая философия в Германии: сборник статей Й. Изензее и др. — М.: Современные тетради, 2005, стр. 10.

³ Именно на подчёркивании этого факта была построена вся неоконсервативная критика социального государства.

неимущих и социально незащищённых слоёв посредством бюрократии — постепенно приводит к эрозии социальной базы такого государства. Чем успешнее такая политика, тем больше растущий благодаря ей средний класс осознаёт, что государство как таковое не является «источником благосостояния», а самое главное то, что оно не может гарантировать постоянные рабочие места в качестве гражданского права. Происходит объединение избирателей из среднего класса с представителями имущих классов против привилегированных групп, облагодетельствованных социальным государством.

Вторая ситуация обнажает, на наш взгляд, глубинное противоречие между идеей правового государства и идеей социального государства, хотя сами творцы социального государства считали, что им удалось их непротиворечиво синтезировать. Мы имеем в виду противоречие между задачами первого и второго. Напомним, что «под правовым государством понимается такая государственная система, целью которой является свобода каждого отдельного её гражданина. Под социальным же государством понимается система, нацеленная на благо всех, на благо общества в целом. Правовое государство обеспечивает свободу, социальное государство обеспечивает общественное благо»¹. Способ реализации первого — это ограничение государственной власти и контроль над ней. Способ реализации второго — активное вмешательство государства в экономическую и социальную жизнь через перераспределение, стандартизацию и контроль. По сути, как правильно отметил Ю. Хабермас, «... проекту социального государства как таковому неразрывно присуще противоречие между целью и методом. Его цель — создание эгалитарно структурированных жизненных форм, где в то же время могут возникнуть пространства для индивидуальной самореализации спонтанности. Но, очевидно, этой цели невозможно достигнуть напрямую через административно-правовую реализацию политических программ»².

Таким образом, несмотря на бесспорные достижения, социальное государство зашло в тупик. Энергия идеала трудового общества, построенного с помощью государственного вмешательства на основе свободы и справедливости, иссякла. Во-первых, в результате экономического развития изменился сам труд и его характер. Экономика знаний атомизирует общество, разрушает идеал солидарности фабричного коллектива, изменяет жизненный мир современного человека. Во-вторых, как показала современная глобализация, если раньше стояла задача по укрощению стихийности рыночной экономики, то сейчас стоит задача по укрощению глобального финансового капитализма и бюрократического интервенционистского государства.

Что же имеется в виду? Дело в том, что современное общество условно имеет три измерения: деньги, административную власть и общественную солидарность. Причём последняя вырабатывает всю совокупность оснований, которые административная власть может использовать в качестве инструментов, и при этом конституция правового государства предписывает их административной власти. Мы видим единственный выход в том, что «социально-интегративная власть солидарности — с помощью широко разветвлённых демократических публичных организаций и институтов — должна успешно утверждаться против двух других властей»³.

Но в эпоху глобализации возникла новая ситуация, когда существует прямая конкуренция рабочих и производителей из разных стран за место на «полке» глобальной торговли, которая заставляет менеджмент компаний под давлением глобальных инвесторов снижать издержки любой ценой. При этом «можно затормозить глобализацию, но остановить её нельзя. Экономика США сегодня настолько сильно привязана ко всему миру, а электронная торговля настолько распространена, что трудно себе даже представить какой-либо эффективный режим протекционизма»⁴. Так где же выход? Новый политический лидер Америки утверждает, что государс-

¹ Политическая философия в Германии: сборник статей Й. Изензее и др. — М.: Современные тетради, 2005, стр. 166.

² Хабермас Ю. Политические работы. — М.: Практикс, 2005, стр. 100–101.

³ Там же, стр. 173.

⁴ Обама Б. Дерзость надежды: Мысли о возрождении американской мечты. — СПб.: Азбука-классика, 2008, стр. 198.

тво должно, прежде всего, сделать определённые вложения в образование, науку, технологию, экологию, энергетическую независимость, которые смогут сделать страну конкурентоспособной на мировом рынке.

Поэтому институты социального государства надлежит не демонтировать, а наполнять новым содержанием, прежде всего демократизировать, то есть освободить от власти денег и бюрократии, помогать гражданам терять статус «клиента» и приобретать статус «свободного агента». Именно такая возможность возникла благодаря постиндустриальной революции и глобализации, которая завершает переход от экономики труда к экономике знаний во всемирном масштабе. А на сформулированный в начале статьи вопрос ответим так: своеобразный протекционизм социального государства в условиях глобализации состоит в защите достоинства человека, который хочет деятельно участвовать в определении

своей судьбы и судьбы своего политического сообщества. При этом следует через демократические процедуры выработать консенсус по поводу основных проблем жизненного мира и при этом ожидать, что желание каждого человека будет поддержано другими гражданами.

Что эти выводы значат для нашей страны?

В современных российских условиях социальное государство – это не цель, которой можно достичь только за счёт роста благосостояния граждан, а реальное средство существования демократического государства в постиндустриальную эпоху. Социальное государство либо есть, и, соответственно, все структуры государства на это сориентированы, либо его нет, что противоречит действующей Конституции. По нашему убеждению, никакое разнообразное потребление не вернёт человеку чувство собственного достоинства гражданина, от которого что-то зависит как на местном уровне, так и в масштабах всего общества.